

УДК 902.904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.252.262>

КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ НЕОЛИТА ПОЛУПУСТЫННОЙ ЗОНЫ КАК КУЛЬТУРНЫЕ ИНДИКАТОРЫ¹

© 2023 г. А.А. Выборнов, Ф.Ф.Гилязов

Начиная с 50-х годов XX в., в отечественном неолитоведении ведущим признаком выделения культуры признавалась керамика. Каменной индустрии отводилась вспомогательная роль. Она, по мнению специалистов, во многом зависела от природных факторов. Кроме того, характеристики орудий труда были достаточно общими для населения различных регионов. Данная статья направлена на выявление возможностей каменной индустрии неолита Северного Прикаспия для выделения археологической культуры. С этой целью авторами проведено сравнение каменного инвентаря неолитических памятников Северного Прикаспия и памятников, изученных в аналогичной ландшафтной зоне Приаралья. Выбор этой темы исследования объясняется также тем, что предшествующие исследователи отмечали большое сходство индустрий двух регионов. Авторами статьи проведено сравнение синхронных памятников обоих регионов. В результате проведенной работы удалось выявить ряд различий в технике первичного раскалывания неолитического населения Северного Прикаспия и Приаралья. Прослеживаются и отличия в номенклатуре орудий труда. Выявлена и специфика вторичной обработки при изготовлении североприкаспийских и кельтеминарских артефактов. Это позволяет сделать вывод о том, что каменные индустрии полупустынных территорий Северного Прикаспия и Приаралья могут служить такими же культурными маркерами в неолите, как и керамика.

Ключевые слова: археология, Северный Прикаспий, Приаралье, неолит, каменная индустрия, вторичная обработка, нуклеусы, скребки, микролиты, скобели, наконечники.

STONE INDUSTRIES OF THE NEOLITHIC SEMIDESERT ZONE AS CULTURAL INDICATORS²

A.A. Vybornov, F.F. Gilyazov

Since the 1950s of the 20th century, ceramics has been recognized as the leading feature of culture selection in Russian Neolithic studies. The stone industry was given a supporting role. According to researchers, it largely depended on natural factors. In addition, the characteristics of the tools were quite common for the population of different regions. The theme of this paper is to identify the possibilities of the Neolithic stone industry of the Northern Caspian region for the allocation of archaeological culture. According to this a comparison with complexes of a similar landscape zone of the Northern Caspian and Aral Sea regions was made by the authors. This theme was also conditioned by the fact that the previous researchers noted the great similarity between the stone industries of two regions. Synchronous stone complexes of both regions were compared by the authors. As a result of the work carried out, it was possible to identify many differences in the technique of primary stone splitting. There are also differences in the range of tools. The specificity of the secondary tools processing of the Neolithic population of North Caspian and Aral Sea regions has also been revealed. This allows the author to conclude that the stone industries of the semi-desert zone of the Northern Caspian and the Aral Sea can be the same cultural markers for the Neolithic sites as well as ceramics.

Keywords: archaeology, Northern Caspian region, Aral Sea region, Neolithic, stone industry, secondary processing, lithic cores, end-scrapers, microliths, side-scrapers, arrowheads.

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Неолитизация Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход» – № 22–28–00082

² The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project “Neolithization of the Lower Volga Region: an Interdisciplinary Approach” – № 22–28–00082.

70 лет назад М.Е. Фосс обосновала ведущую роль глиняной посуды при выделении археологической культуры эпохи неолита, вкладывая в нее и этническую составляющую. Что касается каменного инвентаря, то он зависел от типа хозяйства, ландшафтных зон и источников различного сырья. Так, в лесной полосе необходимы были топоры, тесла, долота, а на юге они не требовались. Орудия имеют простую форму и обработку по причине одинакового применения (Фосс, 1952, с. 18–19, 67–77). А.Я. Брюсов был менее категоричен. Он рассматривал единство культуры в близком сходстве орудий труда, которые не зависели от общего уровня развития, формы хозяйства и однообразия природной среды. Наиболее отчетливо это единство проявляется в деталях форм вещей: типичных особенностях отдельных предметов и приемах техники (Брюсов, 1952, с. 20). А.А. Формозов, в названии статьи которого фигурирует именно этнический аспект, соглашался с тем, что малоперспективно привлекать показатели, возникшие в силу природно-хозяйственных причин, но следует обращать внимание на детали, которые возникли независимо от вышеперечисленных факторов (Формозов, 1957, с. 67–74). В этом же ключе рассматривал данный вопрос и В.П. Третьяков, приходя к выводу о второстепенности каменного инвентаря для определения этнической компоненты неолитической культуры лесной полосы (Третьяков, 1972, с. 17–19). Все это в значительной мере предопределило отношение специалистов к каменному инвентарю при изучении неолита в последующие десятилетия.

Что касается материалов, происходящих из непосредственно интересующих нас территорий, то исторически сложилось таким образом, что источниковая база неолита формировалась в Приаралье раньше, чем в Северном Прикаспии (Виноградов, 1968). Именно это позволило А.А. Формозову отметить своеобразие каменного инвентаря кельтеминарской культуры на ее позднем этапе развития, которое выражается в отсутствии геометрических микролитов и резцов, а также в присутствии большой серии двусторонне обработанных наконечников стрел с прямым и вогнутым основанием. Если выбрать из комплекса простейшие артефакты (пластины с притупленным краем, скобели), то останутся только два специфических изделия: асимметричный

наконечник и скошенное острие (Формозов, 1972, с. 23–25).

Примерно в это же время в Северном Прикаспии памятники неолита были отнесены к особой сероглазовской культуре. Комплекс ее инвентаря, взятый в целом, по мнению первооткрывателя, не имеет аналогий (Мелентьев, 1975, с. 113–115). После ввода в научный оборот качественных источников по всем периодам неолита Приаралья, А.В. Виноградов отметил, что неолитический каменный инвентарь данного региона имеет довольно многочисленные соответствия в материалах неолитических памятников североприкаспийской территории. Это параллелограммы и трапеции, низкие сегменты, не говоря уже о таких менее специфических формах, как пластины с притупленной спинкой, выемчатые скобели, скребки на отщепках (Виноградов, 1981, с. 164). Здесь следует учитывать, что в первом регионе к началу 1980-х годов не были известны стоянки с монокультурными слоями, и в общую характеристику каменного инвентаря сероглазовской культуры были включены разновременные типы орудий.

При сравнении каменного инвентаря, чтобы исключить факторы формирования технико-типологические традиций в изготовлении орудий неолитическим населением, проживавшим в разных климатических зонах, сопоставление проводилось между памятниками сходных ландшафтных зон: Северный Прикаспий и Приаралье относятся к полупустыням.

Второе условие исследования – наличие качественной источниковой базы для сравнения. Изучение памятников с гомогенными слоями в Приаралье пришлось на 40–70-е годы XX в., и после завершающей монографии А.В. Виноградова 1981 года была исследована лишь одна стоянка – Аякагитма (Szymczak et al., 2006). Что касается Северного Прикаспия, то изучение однослойных комплексов только началось в 1981 году. Неравномерны и итоги раскопок в этих областях. Наиболее изученными стали комплексы развитого этапа местных культур: стоянка Толстова, нижний слой Джанбас 4, Кават 7 (Виноградов, 1968; 1981), а в Прикаспии – Каиршак III (Васильев и др., 1989) и Байбек (Гречкина и др., 2014; 2021).

Ранний (учащинский) этап кельтеминарской культуры хорошо представлен материалами Учащи 131 (Виноградов, 1981), в то время

Рис.1. Каменные орудия раннего и развитого неолита Северного Прикаспия.
Fig.1. Stone tools of the Early and Developed Neolithic of the Northern Caspian region.

как в Северном Прикаспии стоянки кугатского типа не имеют слоев (Козин, Комаров, 1989). Поздний этап североприкаспийского неолита хорошо представлен материалами Тентексора (Васильев и др., 1986) и Же-колгана I (Козин, 1989), а в Приаралье они представлены подъемным материалом (Виноградов, 1981, с. 70). Еще одним условием для корректного сопоставления является хронологическое соответствие сравниваемых материалов.

Для учащинского этапа есть серия дат со стоянки Аягайтма: 7190–6960 лет ВР (Szymczak et al., 2006, р. 26), для джанбасского на стоянке Толстова даты имеют большой разброс от последней четверти V до начала III тыс. до н.э. (Виноградов, 1981, с. 133), а для заключительной фазы даты отсутствуют. Ситуация с хронологией неолита Приаралья не претерпела изменений (Brunet et al., 2012). Для кугатских комплексов даты: около

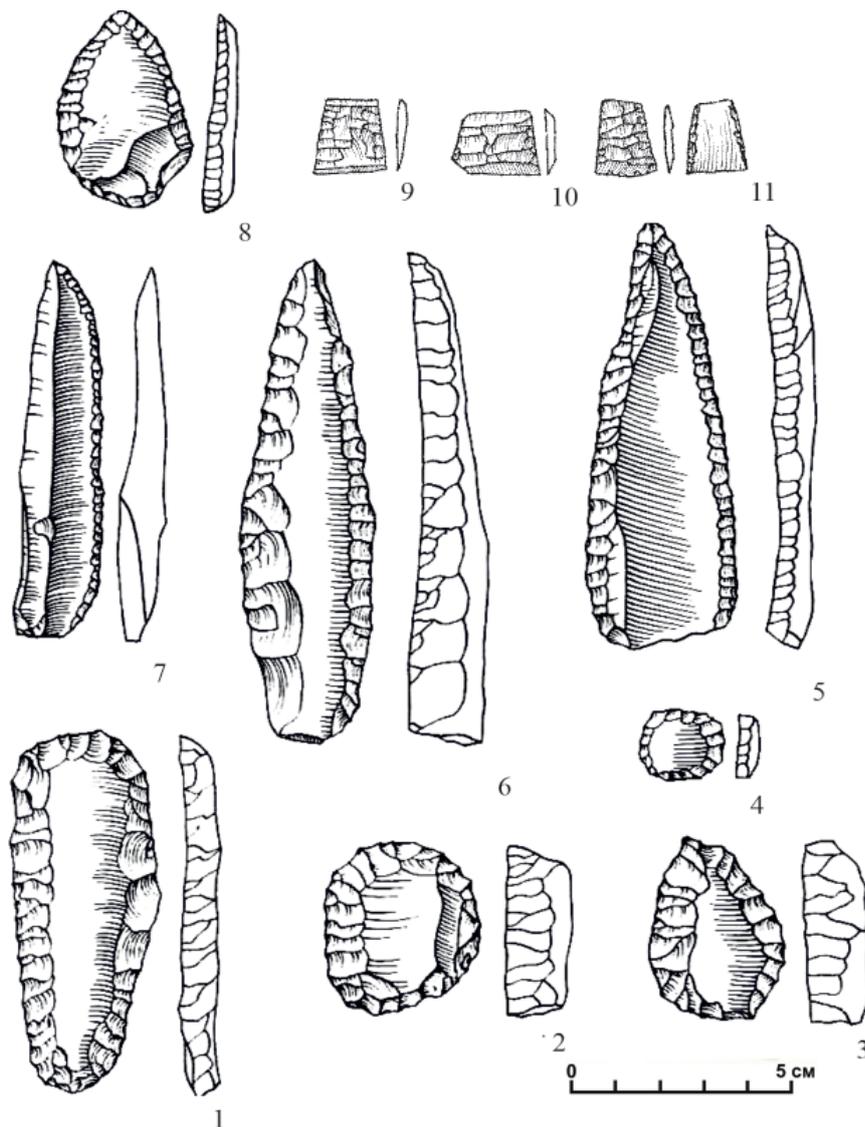

Рис.2. Каменные изделия позднего неолита Северного Прикаспия.
Fig.2. Stone tools of the Late Neolithic of the Northern Caspian region.

7300–7200 лет ВР, для каиршаковского (развитого) – 7100–6900 лет ВР, а для тентексорского (позднего) – 6800–6400 лет ВР (Выборнов, Кулькова, 2021). Учитывались и такие факторы как сезонность и функциональность. Так, в нижнем слое стоянки Джанбас 4 обнаружено всего 4 скребка, а на Кават 7 – 148 экз. (Виноградов, 1968, с. 44; 100–101). На Тентексоре найдено около 60 орудий труда, а на Приозерной – около 10. Тем не менее, для поставленной задачи вполне достаточно материалов, которые могут способствовать ее решению и по суммарной характеристике. В предварительном плане этот аспект рассматривался ранее (Выборнов, 2008, с. 39–41; Выборнов и др., 2022, с. 13–14), но необходимо предпринять более развернутое сравнение.

В североприкаспийских комплексах представлены нуклеусы конической, плоской и призматической формы (рис. 1: 14, 15, 1). Приаральские ядрища были преимущественно призматические (рис. 3: 1, 21; 4: 7), в меньшей степени конические (рис. 3: 2, 22), плоские единичны (Виноградов, 1968, с. 89–90). Пластин и отщепов на среднеазиатских памятниках примерно равное количество, тогда как на каиршаковских пластины составляют около 35%. Что касается доли орудий труда из пластин и отщепов в джанбасских коллекциях, то орудий из отщепов меньше. На стоянках Северного Прикаспия большой процент скребков изготовлен из пластинчатых отщепов, то есть сколов с параллельными продольными гранями, трапециевидным

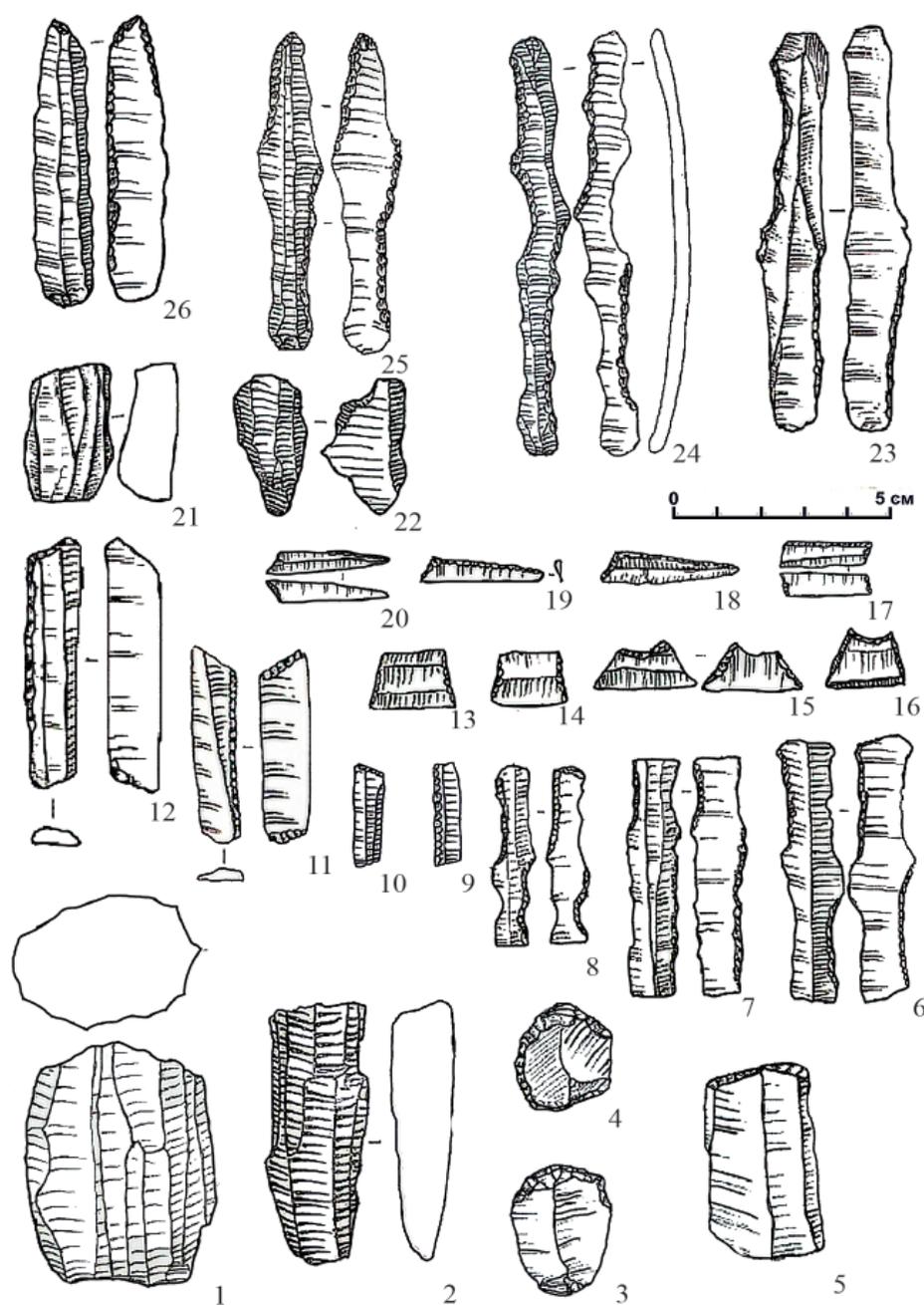

Рис.3. Каменные орудия раннего и развитого неолита Среднеазиатского междуречья.
Fig.3. Stone tools of the Early and Developed Neolithic of the Central Asian interfluvium.

сечением, но их длина не превышает ширину (Васильев и др., 1989, с. 31–37). Иначе говоря, даже на стадии первичного раскалывания фиксируются вполне определенные различия.

Среди орудий труда на прикаспийских стоянках доминируют скребки – около 30%. В кельтеминарских коллекциях как раннего, так и развитого этапа ситуация отличается. Так, на Кавате 7 они по численности не превосходят как перфораторы, так и скобели. На близкой по времени стоянке Толстова найдено 170

зубчато-выемчатых изделий и 138 скребков (Виноградов, 1981, с. 80). В более ранней коллекции со стоянки Учаси имеется 131 скребков, а скобелей 428 (Виноградов, 1981, с. 67). Выше отмечалось, что в кайрашакских комплексах значительный процент составляют скребки на пластинчатых отщепах (рис. 1: 24), чего не прослеживается на востоке. В тоже время кельтеминарские орудия зачастую изготовлены на массивных отщепах (рис. 4: 14) (Виноградов, 1968, с. 100, рис.

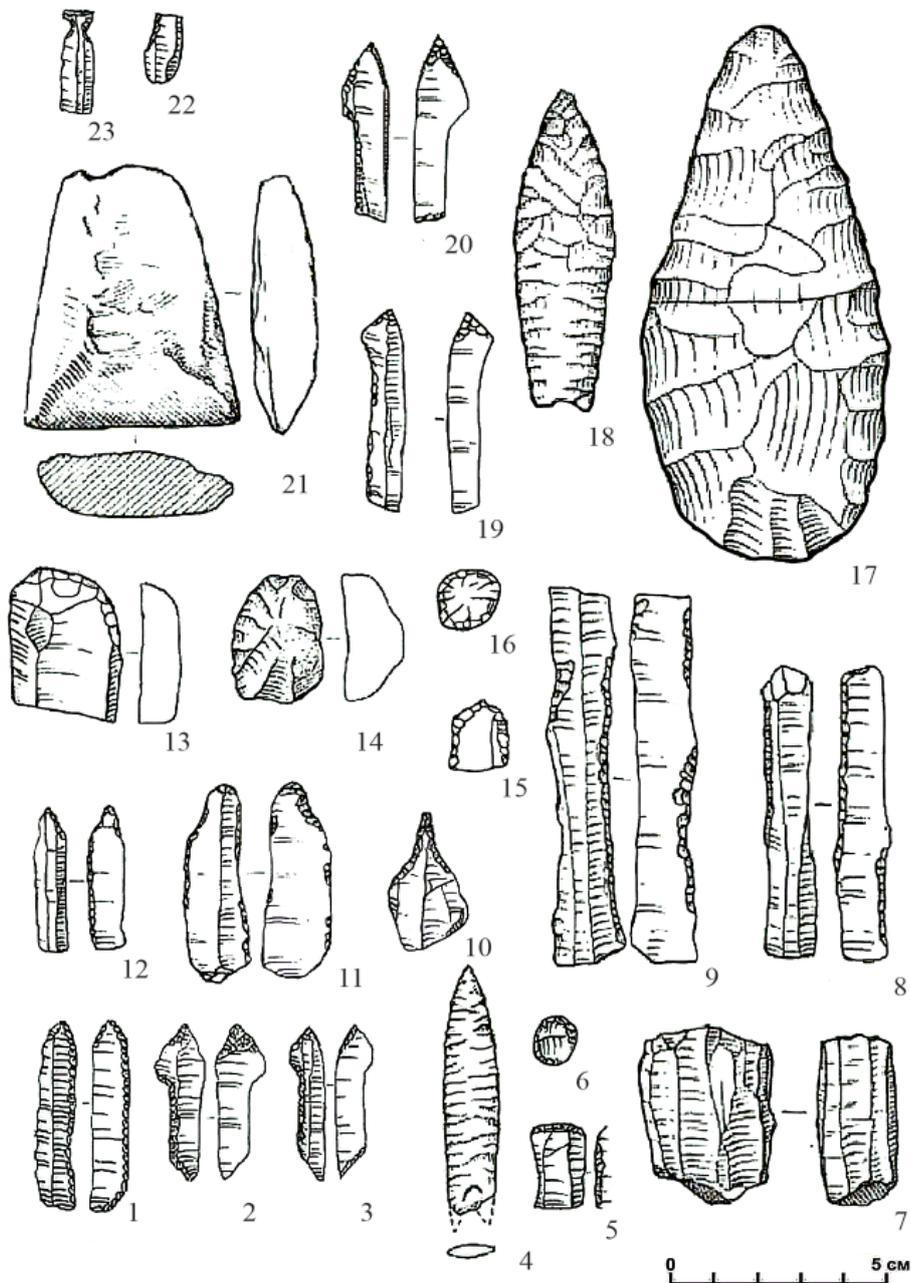

Рис.4. Каменные изделия развитого и позднего неолита Среднеазиатского междуречья.
 Fig.4. Stone tools of the Developed and Late Neolithic of the Central Asian interfluvium.

48, 15–23), что будет характерно только для самых поздних тентексорских стоянок (рис. 2: 2, 3). Относительно типологии скребков также следует отметить ряд моментов. Среди концевых типов, которые представлены в обоих регионах (рис. 1: 3, 16; 3: 3, 4), в североприкаспийских коллекциях более выражены скребки со скошенным лезвием (рис. 1: 2, 18). По данным Г.Н. Поплевко они не несут функциональной специфики по сравнению со скребками с округлым или прямым рабочим

лезвием. Это дает основание предполагать их определенное культурное своеобразие.

Кроме этой разновидности для материалов развитого этапа Северного Прикаспия присущи такие своеобразные морфологические вариации как стрельчатые (рис. 1: 24; 2: 3), с мордочкой (рис. 1: 4, 19), дублированные (рис. 1: 5, 20), мелкие дисковидные (рис. 1: 21), со шпорой (рис. 1: 22). Кроме небольшого числа стрельчатых (рис. 3: 4) и единичных округлых (рис. 4: 6, 16), остальные вариации

не встречены в Приаралье. Нельзя не отметить и еще одну деталь вторичной обработки, которая характерна для прикаспийских скребков: значительный процент из них имеет различную ретушь по продольным граням (рис. 1: 17; 2: 1) (Васильев и др., 1989, с. 32–33, рис. 8–9). Такая черта, судя по описанию и рисункам, не является характерной для данной категории кельтеминарских орудий (рис. 4: 5).

В отличие от североприкаспийских памятников, в которых скобели занимают лишь четвертую по численности группу (рис. 1: 35, 36), в среднеазиатском междуречье эта категория изделий весьма представительна. Их различное количество на разных стоянках, по справедливому замечанию А.В. Виноградова, могло быть связано с их функциональной направленностью. Но в данном случае необходимо оговориться, что такая черта присуща разновременным комплексам. Так, на ранне-неолитической стоянке Учащи 131 в доме 1 их найдено 493, доме 2 – 106, а доме 3 – 535 экз., а на стоянке дарьясайского этапа Учащи 159 их обнаружено 1428 экз. (Виноградов, 1981, с. 67, табл. 2). На развитом этапе стоянки Кават 7 их встречено 150 экз., а в Джанбасе 4 – 42 (Виноградов, 1968, с. 43, 94). Это не идет ни в какое сравнение со скобелями аналогичного этапа неолита Северного Прикаспия: на стоянке Каиршак III их найдено 16, а на Байбеке – не более 10 экз. Объяснить эти различия продолжительностью функционирования памятников вряд ли получится: на обоих обнаружены культурные слои, жилища и большие выборки каменного инвентаря.

Не менее важны и детали, которые характеризуют зубчато-выемчатые изделия Приаралья. Они имеют весьма значительные размеры и разнообразные типы ретуши, которые формировали рабочие части (рис. 3: 6–8; 4: 8, 9). Особо следует отметить изделия на крупных пластинах с большими выемками, сделанными противоположной ретушью (Виноградов, 1981, с. 68, рис. 19, 41; с. 76, рис. 26, 23; с. 84, рис. 31, 22; с. 87, рис. 35, 28, 33), что отличает их от североприкаспийских (рис. 3: 23–25).

Еще одной важной категорией орудий, которые характерны для раннего и развитого кельтеминара, являются пластины с притупленной спинкой. А.В. Виноградов делит их на три группы: первая схожа с параллелограммами (рис. 3: 11–12) (Виноградов, 1968, с. 95,

рис. 44, 1–15); вторая с обработкой только одной поперечной грани (рис. 3: 10) (Виноградов, 1968, с. 96, рис. 45), а третья не имеет ретуши на узких гранях. Причем, последняя группа (рис. 3: 9) преобладает. Подобные изделия составляют достаточно большую в количественном плане группу: от 30 до 176 экземпляров на разных стоянках. Ее мезолитический возраст А.В. Виноградов исключает. Если это так, то данные артефакты также следует считать особенностью приаральского неолита. Дело в том, что пластины с притупленным краем в комплексах развитого этапа неолита Северного Прикаспия не встречаются, а в раннем они единичны (Козин и др., 1989, с. 9, рис. 1, 35). Аналогична ситуация и с пластинами со скошенным или прямосрезанным концом. Что касается категории изделий, схожей с параллелограммами, то исследователь отмечает специфику обработки торцов противоположной ретушью. И такие артефакты не обнаружены в североприкаспийском неолите.

Поскольку речь зашла об артефактах, сходных с геометрическими микролитами, то следует констатировать, что в материалах учащинского этапа наиболее характерными являются трапеции (рис. 3: 13, 14), а в кугатских – сегменты (рис. 1: 6–8), которые отсутствуют в первых. Несколько трапеций имеется на стоянке Кугат IV (рис. 1: 9), но на Учащи 131 представлен и специфический вид этого микролита – «рогатая» трапеция (рис. 3: 16). Примечательно, что в каиршакских коллекциях трапеции единичны (Байбек – 2 экз., Каиршак I – 2 экз., Каиршак III – 3 экз.), а на джанбасских памятниках они исчезают, за исключением одной, найденной на стоянке Толстова. В единичных экземплярах на развитом этапе сохраняется только «рогатая» форма (рис. 3: 15).

На позднем этапе неолита Северного Прикаспия появляются трапеции «со струганной спинкой» (Козин, 1989, с. 11), которые не обнаружены в неолите Приаралья (рис. 2: 9–11). Как на раннем, так и на развитом этапах кельтеминара представлены низкие асимметричные треугольники (рис. 3: 18–20). В Северном Прикаспии такая форма (рис. 1: 12) встречена в одном экземпляре на Кугате IV (Козин и др., 1989, с. 9, рис. 1, 27) и Каиршаке III (рис. 1: 29), который обнаружен рядом со стоянкой) (Васильев и др., 1989, с. 37, рис.

12, 22). Но в обоих случаях они отличаются от среднеазиатских характером нанесения ретуши: на стоянках развитого этапа обработка сделана по спинке.

Еще одна разновидность микролитов – параллелограммы. Они немногочисленны. На двух кугатских стоянках их обнаружено 8 экз., а на учащинских всего один (Виноградов, 1981, с. 67, табл. 2). В материалах джанбасского этапа только на стоянке Толстова найдено 4 экз. (Виноградов, 1951, с. 80, табл. 5). Между тем, на стоянках каиршакского этапа найден лишь один параллелограмм на Байбеке, но его достоверная принадлежность к основному комплексу неочевидна. Но важнее другое. При некотором сходстве формы микролита различаются техники вторичной обработки. На кельтеминарских параллелограммах ретушь нанесена на спинке, включая продольную грань (рис. 3: 17). Торцы у большинства артефактов обработаны на брюшке. Что касается североприкаспийских, то здесь картина обратная: торцы обработаны по спинке, а продольная грань отретуширована на брюшке (рис. 1: 10, 11). Примечательно, что здесь и характер самой ретуши отличен: она не краевая, а заходящая на брюшко. Но наиболее ярким отличием является доминанта на каиршакских памятниках сегментов (рис. 1: 6–8, 26–28, 30), значительная часть которых обработана гелуанской ретушью (рис. 1: 6, 7, 26, 27). Такой тип микролита для кельтеминара нехарактерен. Таким образом, и в части геометрических микролитов фиксируются серьезные различия.

С другой стороны, для развитого этапа среднеазиатских памятников характерны наконечники стрел с боковой выемкой (рис. 4: 2, 3). Они встречены в сборах на стоянках аякагитминской группы, которая, скорее всего, является переходной от раннего к развитому этапу. На Учащи 131 кельтеминарских наконечников нет. Нет их и в материалах Аякагитны из раскопок 1990-х гг., как в нижнем (5) слое, который датируется 7190–6960 ВР, так и в верхней части (5–4 слоях) – 6770–6640 ВР (Szymczak et al., 2006). По три экземпляра наконечников найдено на стоянке Толстова и Дженгельды 11. В космолинской группе известен один, в каракатинской – также один. Наибольшее количество (38 экз.) обнаружено на стоянке Кават 7 (Виноградов, 1968, с. 90, рис. 41). Характерны кельтеминарские наконечники и для развито-

го этапа льяляканской группы (Виноградов, Мамедов, 1975). В Северном Прикаспии краеведами было обнаружено 12 изделий подобного типа без конкретной привязки к конкретным памятникам (Дубягин и др., 1982, с. 122, рис. 19, 1–11). Еще два обломка обнаружены в окрестностях урочища Каиршак. Отнести их к неолиту достаточно сложно, поскольку на стоянках со слоями всех этапов они не найдены. Что касается наконечников с двусторонней обработкой (рис. 4: 4), то А.В. Виноградов отмечал их единичность даже на памятниках джанбасского этапа. Так, даже на Кавате 7, содержащем самое большое количество каменных артефактов (рис. 4: 17, 18), их всего три (Виноградов, 1968, с. 92, рис. 42, 13, 17). В североприкаспийских комплексах такая обработка появляется только в прикаспийской культуре. Наконечники в позднем неолите не демонстрируют двусторонней ретушировки (рис. 2: 8).

Перфораторы присущи неолитическим памятникам обеих сравниваемых территорий. Они сходны и по типу, и по характеру нанесения ретуши не только на рабочей части, но и продольных гранях (рис. 1: 33, 34; 2: 5–7; 3: 26; 4: 1, 11, 12). Но нельзя не отметить в материалах льяляканского варианта тип сверла на отщепках с выделанными плечиками (Виноградов, Мамедов, 1975, с. 111, рис. 33, 7–12; 17–20; 27–35; 45–53; Виноградов, 1981, с. 99, рис. 41, 8–12, 36–52, 54–62, 72–84), которых нет в Северном Прикаспии (рис. 4: 10).

Аналогична ситуация и с таким типом изделия как «микрорезец» (рис. 4: 22), который присущ льяляканским коллекциям (Виноградов, Мамедов, 1975, с. 39, рис. 15, 4, 7, 21, 43–49). Есть микрорезцы и в Кызылкумах (Виноградов, 1981, с. 83, рис. 30, 25–26), а в североприкаспийских материалах отсутствует. Единичные изделия микрорезцового облика, присутствующие в кугатских комплексах, скорее всего являются разновидностями скобелей (рис. 1: 13).

Техника резцового скола в неолитическом инвентаре стоянок обеих территорий развита весьма слабо. Резцы на углу сломанной пластины единичны как на раннем, так и на развитом этапе неолита Северного Прикаспия и Приаралья.

Единичные пластины с «выделенной головкой» (рис. 4: 23) в Приаралье встречаются уже

на джанбасском этапе (Виноградов и др., 1975, с. 40, рис. 16, 14–15; с. 50, рис. 18, 17–20; Виноградов, 1981, с. 83, рис. 30, 14). В то время как в Северном Прикаспии они появляются только у носителей хвалынской культуры.

Нельзя не затронуть вопрос о технике шлифования. В Приаралье оно появляется в конце джанбасского этапа (рис. 4: 21) (Виноградов, 1968, с. 105, рис. 50), а в Северном Прикаспии такая технология, как и сверление, фиксируются только на поздней фазе (Васильев и др., 1986, с. 23, рис. 12).

Подводя итог сравнительному анализу каменного инвентаря неолита Северного Прикаспия и Среднеазиатского междуречья, можно констатировать весьма серьезные различия между ними. Каждый из сравниваемых комплексов каменных орудий достаточно самобытен. Это позволяет сделать вывод о том, что неолитические каменные индустрии полупустынной зоны могут быть использованы в качестве культурных маркеров.

ЛИТЕРАТУРА

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: АН СССР, 1952. 262 с.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1986. С. 6–31.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 18–45.

Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. М.: Наука, 1968. 180 с.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. М.: Наука, 1975. 288 с.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. 174 с.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы хронологии культур неолита Волго-Камья // Поволжская археология. 2021. №3 (27). С. 34–46.

Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Попов А.С. Каменные индустрии неолита Нижнего Поволжья как показатели культуры // Изделия из камня и кости в культурах неолита / Ред. А.А. Выборнов и др. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 14–16.

Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Кутуков Д.В. Новая ранненеолитическая стоянка Байбек в Северном Прикаспии // Самарский научный вестник, 2014. № 3 (8). С. 79–90.

Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Лебедев Ю.С. Жилище ранненеолитической стоянки Байбек в Северном Прикаспии // КСИА. 2021. Вып. 262. С. 141–154.

Дубягин П.С., Чикризов Ф.Д., Чуринов В.А., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Новые материалы неолита-бронзы из Северного Прикаспия // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 95–134.

Козин Е.В. Новые материалы по неолиту Северного Прикаспия // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1989. С. 36–44.

Козин Е.В., Комаров А.М. Памятники ранненеолитического времени в южной части Волго-Уральских песков // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, Куйбышев, 1989. С. 6–17.

Мелентьев А.Н. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия) // КСИА. Вып. 141 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С. 112–117.

Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. М.: Наука, 1972. 136 с.

Формозов А.А. Могут ли служить орудия труда каменного века этническим признаком? // СА. 1957. № 4. С. 66–74.

Формозов А.А. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // СА. 1972. № 1. С. 22–35.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР / МИА. № 29. М.: АН СССР, 1952. 280 с.

Brunet F., Khudzhanazarov M., Hoshimov H. Nouvelles données sur la chronologie de la culture de Kelteminaren Ouzbekistan // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 38 / Гл. ред. А.Э. Бердимуратов. Самарканд: Институт археологии АН РУз, 2012. С. 118–124.

Szymczak K., Khudzhanazarov M. Exploring the Neolithic of the Kyzyl–Kums. Ayakagitma “The site” and other collections. Warsaw: Institute of Archaeology Warsaw University, 2006. 252 p.

Информация об авторах:

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

Гилязов Филат Фаритович, аспирант, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); filatgiljazov12@gmail.com

REFERENCES

Brjusov, A. Ya. 1952. *Ocherki po istorii plemen evropeyskoy chasti SSSR v neoliticheskuyu epokhu (Essays on the history of the tribes in European part of the USSR in the Neolithic)*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A., Kozin, E. V. 1986. In Merpert N. Y. (ed.) *Drevnie kul'tury Severnogo Prikaspiya (Ancient cultures of the Northern Caspian Sea area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 6–31 (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A., Kozin, E. V. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.) *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 18–45 (in Russian).

Vinogradov, A. V. 1968. *Neoliticheskie pamyatniki Khorezma (Neolithic Sites of Khwarezm)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vinogradov, A. V., Mamedov, E. D. 1975. *Pervobytnyy Lyavlyakan (Primeval Lyavkan)* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vinogradov, A. V. 1981. *Drevnie okhotniki i rybolovy Sredneaziatskogo mezhdurech'ia (Ancient Hunters and Fishermen of Central Asian Mesopotamia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A., Kulkova, M. A. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (3), 34–46 (in Russian).

Vybornov, A. A., Gilyazov, F. F., Popov, A. S. 2022. In Vybornov, A. A. (ed.) *Izdeliya iz kamnya i kosti v kul'turah neolita (Stone & bone artifacts in Neolithic cultures)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 14–16 (in Russian).

Grechkina, T. Yu., Vybornov, A. A., Kutukov, D. V. 2014. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* 8 (3), 79–90 (in Russian).

Grechkina, T.Y., Vybornov, A.A., Lebedev, Y. S. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 262, 141–154 (in Russian).

Dubyagin, P. S., Chikrizov, F. D., Churinov, V. A., Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A. 1982. In *Volgo-Ural'skaia step' i lesostep' v epokhu rannego metalla (Volga-Ural Steppe and Forest-Steppe in the Early Metal Period)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 95–134 (in Russian).

Kozin, E. V. 1989. In Sinuk, A. T. (ed.) *Problemy arkheologicheskogo izucheniya Dono-Volzhskoy lesostepi (Issues of archaeological study of the Don-Volga basin forest-steppe)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 36–44 (in Russian).

Kozin, E. V., Komarov, A. M. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.) *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 6–17 (in Russian).

Melentiev, A. N. 1975. In Kruglikova, I. T. (ed.) *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 141. Moscow: “Nauka” Publ., 141–154 (in Russian).

Tret'iakov, V. P. 1972. *Kul'tura iamochno-grebenchatoi keramiki v lesnoi polose Evropeiskoi chasti SSSR. (Culture of Pit-combed ceramics in the Forest Belt of the European Area of the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Formozov, A.A. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 66–74 (in Russian).

Formozov, A.A. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1). 22-35. (in Russian).

Foss, M. E. 1952. *Drevneyshaya istoriya severa evropeyskoy chasti SSSR (Ancient History of the Northern Area of the European Part of the USSR)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 29. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Brunet, F., Khudzhanazarov, M., Hoshimov, H. 2012. In Berdimuradov, A. E. (ed-in chief.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 38. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences, 118–124.

Szymczak, K., Khudzhanazarov, M. 2006. *Exploring the Neolithic of the Kyzyl-Kums. Ayakagitma "The site" and other collections*. Warsaw: Institute of Archaeology Warsaw University.

About the Authors:

Vybornov Aleksandr A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; vibornov_kin@mail.ru

Gilyazov Filat F. Postgraduate student. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; filatgiljazov12@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.